

В. Э. Манапова¹

ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

Процесс глобализации, охвативший все сферы жизни общества, способствует преодолению границ и формированию единого информационного и культурного пространства. Но этот процесс крайне противоречив. С одной стороны, глобализация ведет прежде всего к унификации, исчезновению самобытных национальных культур и единым мировым стандартам. С другой стороны, люди получают возможность путешествовать, учиться и работать в других странах, участвовать в международных конференциях и т. д. Интенсификация культурных контактов позволяет приобретать новые знания об обычаях и традициях других народов. В то же время здесь кроется источник возможных конфликтов и противоречий.

Одним из основных признаков этноса является наличие представлений этноса о самом себе. Этническое самосознание начинает складываться одновременно со становлением этноса как самостоятельного субъекта. Как пишет Л. Н. Гумилев, «стереотип поведения этноса столь же динамичен, как и сам этнос»².

Как известно, самосознание формируется в процессе противопоставления своего и другого, и представле-

ние о себе, своем этносе вырабатывается именно в результате сравнения.

По мнению И. Кона³, стереотипы — неотъемлемый элемент обыденного сознания. Ни один человек не в состоянии реагировать на все встречающиеся в жизни ситуации. Стереотип, аккумулирующий некий стандартизированный коллективный опыт и внушенный индивиду в процессе обучения и общения с другими, помогает ему ориентироваться в жизни и определенным образом направляет его поведение. Так, каждая этническая группа (племя, народность, нация, любая группа людей, связанная общностью происхождения и отличающаяся определенными чертами от других человеческих групп) обладает своим групповым самосознанием, которое фиксирует ее действительные и воображаемые специфические черты⁴.

А. П. Садохин⁵ указывает на то, что разделение на «чужих» и «своих» может привести к отношениям как сотрудничества, так и конкуренции. В связи с этим культурная идентичность может рассматриваться в качестве одного из важных инструментов, оказывающих влияние на сам процесс коммуникации. Сталкиваясь с представителями других культур, человек отмечает много необычного и странного. Исходя из этого обстоятельства, в межкультурной коммуникации понятие «чужой» приобретает ключевое значение. Проблема заключается в том, что до настоящего времени

¹ Доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства, кандидат философских наук. Автор 37 научных публикаций, в т. ч.: «Этническая самоидентификация как основа цивилизационной системы», «Проблема цивилизационной идентификации Кавказа», «Цивилизационный статус Кавказа: проблемы классификации», «Глобальный кризис и смена цивилизационной парадигмы», «Социально-культурное пространство диалога», «Диалог как средство понимания в процессе межкультурных взаимодействий» и др.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994. С. 25–27, 92–96.

³ См.: Кон И. Психология предрассудка // Новый мир. 1966. № 9.

⁴ Там же.

⁵ Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2005. С. 68.

не сформулировано научное определение этого понятия. Во всех вариантах его использования и употребления оно понимается на обыденном уровне, то есть путем выделения и перечисления наиболее характерных признаков и свойств этого термина.

По словам Г. Зиммеля¹, «чужой по самой своей природе не владеет землей, причем землю надо понимать не только в физическом смысле, но также в переносном смысле жизненной субстанции, фиксированной <...> в идеальном пространстве общественного окружения». Таким образом, для Зиммеля чужой — это тот, кто не имеет почвы, «фундамента», а следовательно, он легче приспосабливается к новым условиям, ассимилируется и легко добивается успеха в новом для себя месте. Другая сторона этого явления заключается в том, что в сознании коренного населения «чужаки» ассоциируются с теми, кто нарушает привычный образ жизни, ломает привычную систему ценностей, а потому они вызывают негативные настроения и даже ксенофобию.

Следует отметить, что в сознании этноса образ «чужого» обрастает определенными чертами, которые призваны проводить дифференциацию «своих» и «чужих», то есть образ «чужого» всегда маркирован. Этнические стереотипы живучи и «неэластичны» (А. Шафф), то есть устойчивы, не подвержены изменениям и всячески им сопротивляются. Особенно явно эта черта этнических стереотипов прослеживается в фольклоре.

Стереотип, будучи неким образцом поведения, клише, с одной стороны, служит помехой в межкультурной коммуникации, с другой стороны, способствует выживанию этноса в сложные периоды его существования.

В то же время при мифологическом способе мышления факты и сведения, несовместимые со своей «Я»-концепцией, этнической группой игнорируются и отвергаются. Это подтверждает, в частности, упорное нежелание многих этносов признавать свои ошибки, общественные и политические поражения, несправедливые поступки, совершенные по отношению к другим народам, то есть все то, что противоречит их представлению о себе как о моральных, цивилизованных людях.

Зачастую конструирование «Я»-концепции сопровождается процессом формирования «образа врага». По мнению И. Б. Гасанова, «в различных обществах и культурах, у различных народов “образ врага” приобретает некоторые общие черты. При всех различиях в причинах и обстоятельствах конфликтов и войн на протяжении истории существует повторяющийся набор изображения противника — некий “архетип” врага, который создается, как мозаика, по частям. Враг изображается: чужаком, агрессором, безликой опасностью, богоненавистником, варваром, ненасытным захватчиком, преступником, садистом, насильником, воплощением зла и уродства, смертью»².

Согласно психоаналитической теории, люди нередко проецируют свои негативные качества на других, отрицая их наличие у себя. В частности, К. Юнг, описывая архетипы, приводит пример архетипа «тьень»:

«Тень воплощает все, что субъект отказывается признать о самом себе, и, кроме того, всегда навязывает себя субъекту прямым или косвенным путем — к примеру, низменные черты характера и другие несовместимые тенденции»³. «Образ врага» нередко появляется в периоды межэтнических конфликтов и войн (антисемитские настроения в гитлеровской Германии — ярчайшее подтверждение этого).

К примеру, И. Кон⁴ описывает классическую модель проекции — психологию старой девы, которая не смеет признаться себе в том, что испытывает половое влечение, считает, что половая жизнь — нечто грязное, низменное и т. д. Свои подавленные сексуальные импульсы она бессознательно проецирует на других, и ей кажется, что у всех окружающих грязные мысли. Таким образом, она получает возможность смаковать чужое плохое поведение, не понимая, что в действительности речь идет о ее проблемах. Этот механизм отчасти помогает понять психологию такого распространенного явления, как ханжество. Люди, которые особенно бдительно следят за чужой нравственностью, подозревая всех остальных в чем-то плохом, часто лишь приписывают другим то, что сами бы хотели сделать, но не смеют в этом признаться.

К примеру, в период национального возрождения 1989–1991 годов в союзных республиках (в 1991–1993 гг. уже автономных) шла открытая борьба за власть. Тогда стали проявляться неприглядные стороны национального возрождения, а точнее — агрессивного национализма. Образ жертвы, перечень «ущемленностей» привели к формированию «образа врага». Виновными во всем были объявлены не власть и ее национальная политика, а русские, которых называли «оккупантами» в Прибалтике, «завоевателями» — в Саха (Якутии) и т. д.

Врагов стали искать и в своей среде: «Кто не с нами, тот против нас». Отражением этой тенденции стала атака на тех, кто утратил связь с «родной культурой» и кого стали называть манкуртами. Психология «жертвы» рождала агрессию. Борьба за власть после провозглашения независимости в республиках, которые претендовали на образцы демократии, привела к этнодоминированию титульной национальности и отстранению от политической жизни значительной части населения⁵.

Но феномен этнического самосознания заключается прежде всего в его эмоциональной окраске и субъективности. В частности, Г. Померанц отмечает такую особенность этнического самосознания, как резкое различие «своих чужаков» (с которыми они готовы побораться) и «чужих чужаков»⁶.

Таким образом, существует ряд особенностей, демонстрирующих реализацию этнического самосознания по стандартам мифологического типа мышления. Это позволяет сделать следующий вывод: устранить «миф» из этнического самосознания рациональными

³ Юнг К. Аналитическая психология. СПб., 1994. С. 131.

⁴ См.: Кон И. Указ. соч.

⁵ Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: учеб. пособие для вузов. М., 1998. URL: <http://www.socioline.ru>

⁶ Померанц Г. Указ. соч. С. 183–187.

¹ Цит. по: Померанц Г. Долгая дорога истории // Знамя. 1991. № 11. С. 183–187.

² Гасанов И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага». М., 1994. С. 3–7, 23–39.

средствами невозможно, поскольку мифологическое в самосознании этноса не сводится к простой совокупности преданий, «архаичных историй» о жизни этноса, а оказывается одним из значимых способов функционирования этнического самосознания.

В мире не существует ведущей культуры. Относясь к иной культуре с предубеждением и считая свою культуру единственной и лучшей на свете, невозможно установить доверительный диалог и обмен с другими культурами. Все культуры являются составляющими общечеловеческой культуры, имеют равное право на участие в диалоге культур. Кроме того, следует с пониманием от-

носиться к культурным различиям. Поиск общего и сохранение различий — лучший путь в диалоге культур.

Процесс взаимодействия культур состоит не в дублировании достигнутых результатов, не в подражании и тем более не в навязывании своей системы ценностей. Рассмотрение сходных явлений как результата взаимовлияния культур, анализ заимствований (явных и скрытых) могут привести к выводу о превосходстве одних культур и цивилизаций над другими. Это будет мешать пониманию развития культур в рамках мирового исторического прогресса как процесса взаимодополнения культур.